

Елена ВАСИЛЕНКО

Наш земляк стал Героем России посмертно. Это про него, Андрея Туркина, сейчас пишут все газеты мира. Его имя не называют, но это он бросился на гранату с выдернутой чекой, спасая бесланских школьников и своих коллег, спецназовцев «Вымпела». Закрыв их всех своим сердцем.

**Инстинкт спасения
Аругих**

1 сентября Андрей пришел на работу за отпускными. Он уже был в отпуске, собиравшись с семьей – женой и четырехлетним сынишкой – к маме, в Краснодаре. Накануне позвонил ей: «Скоро будем, как у вас там погодка?». Отпускные так и остались в кассе: его, как и остальных элитных бойцов спецподразделения ФСБ, без лишних объяснений отправили в аэропорт. Отбирали лучших – кто уже имел за плечами массу подобных операций, прошел Норд-Ост. Туркин мог отказаться от предстоящей поездки – имел полное право. Но даже не подумал об этом. Самолет вылетел в Беслан. Жену Наташу Андрей не успел предупредить об отложенном, как оказалось неважном, отпуске.

... Все, что случилось в школе в тот черный день, мы видели с подачи ТВ. Они безучастны, но объективны, эти тысячи метров пестрой ленты смертельной кинохроники. Только вот замедленные кадры первых минут внезапного штурма не отняли никто. Они отпечатались в памяти, перед глазами самих заложников и бойцов спецназа, ворвавшихся в спортзал.

Бойцы «Альфы» и Вымпела» шли первыми. Туркин и еще двое его товарищей влетели в спортзал через разбитое окно. Он – первый. Промелькнуло: сгрудившиеся в кучу дети – сотни, сотни голых худеньких тел, тысячи расширенных от ужаса глаз. А напротив – холодный блеск глаз боевика. Дуло автомата.

Рука с гранатой. Граната – без чеки. В сотые доли секунды молнией пронеслось в мозг: в черную фигуру – стрелять, гранату – закрыть. Он сделал это одновременно: убил боевика и бросился на него, не дав взорваться гранате в самой гуще детских тел. Вопреки главному инстинкту самосохранения. Вопреки своей неумной жажде жизни.

Единственный...

Если мужчину тынет коружию, то чуть ли не с пеленок. Андрей родился в Орске, в поселке Казачий, но в армию уходил уже из Краснодара. Служил на таджико-афганской границе. Понял, прочувствовал: маме стезя. Закончил высшую школу телохранителей и почти семь лет отработал в столице, в «Вымпеле».

У мамы он был единственным. Души не чаяла: отец не помогал, но парень с детства всю мужскую

**Путин, бледный как
смерть, подходит к
каждой и только
одно говорит:
«Простите меня.
Простите меня.
Простите меня».**

работу взвалил на свои плечи. И никогда не ныл на несправедливость – все как-то у него происходило легко, удачливый он был, любимчик у всей многочисленной орской родни. Сюда приезжали часто – в Краснодаре даже на день рождения позвать некого, кроме друзей. А в Орске – тети, двоюродные братья и сестры. Простые женщины, простые орские ребята. А он ласковый и нежный, и со всеми на «вы». «Теть Наташа, Вам помочь?» – «Да отдыхай, сынок!» – «Нет, давайте я Вам помогу». Год назад, провожая двоюродного брата Вовку в армию, на правах старшего наставлял: «Вовчик, ты, если будут давить там, обязательно мне сообщи, напиши. А потом отслужишь, я тебя к нам в спецназ заберу. У тебя все данные – и со спортом порядок, и голова варит. Обязательно заберу!»

Вовка не попал на похороны двоюродного брата: с Владивостока далеко ехать. Зато в Москву проститься с Андреем поехали из Орска все три тети и их дети. Андрея обожали. Всю дорогу до столицы и обратно плакали. Мозг отказывался поверить. Он же всегда был самый веселый, всех торموшил, зажигал, любую компанию на уши мог поставить. И на гитаре играл, и все волей-неволей подтягивались поближе, подхватывали его любимую: «Околдована, очарована...»

... Прощание с бойцами «Альфы» и «Вымпела» проходило в ДК Дзержинского. Восемь открытых гробов и два – закрытых. Море цветов – столько, что все венки и корзины потом так и не вместились в три автобуса. В новостях нам показали только скорбные, спокойные кадры прощания. Родным пришлось увидеть

и услышать другие вещи, другие душераздирающие сцены. От них в жилах кровь стынет, а пол прожигают слезы матерей, потеврявших своих единственных сыновей.

– Как-то так вышло, что большинство погибших были единственные в семьях, – вспоминают день похорон родственники. – Там присутствовало много первых лиц – Путин, Шойгу, Жириновский. Путин подходил к каждой семье и жал руки матерям и женам. А они, почти все, обезумев от горя, кричали ему в лицо: «Отдай наших детей! Отдай моего сына, мою

тенились. И страшно стало, как-то не по себе. Они боялись каких-нибудь терактов, актов вандализма. Следили за порядком таким вот странным для нас образом. Но, слава богу, все прошло без эксцессов, хотя народу было более пяти тысяч. По крайней мере, в центре спецназначения, в закрытом гарнизоне, куда нас потом повезли на поминки, в столовой, рассчитанной на 800 человек, не поместилась и треть. А снимать на кладбище ничего не разрешили. Никому.

К орчанам «прикрепили» двоих молодых спецназовцев – тех самых, которым в тот день, 3 сентября, спас жизнь Андрей Туркин. Они ничего не говорили родственникам – может, не положено, может, шадли женские сердца. Только двоюродного брата

Отдать дань погибшим

Андрею Туркину осталось пенсии совсем ничего – два года. За время службы в спецназе он был награжден столкими медалями и орденами, сколько не имеют иные генералы. За проведение операции при освобождении заложников в Норд-Осте получил награду из рук Президента. В командировки в Чечню ездил каждый год. Немногословные коллеги его обронили пару фраз про несколько секретных спецопераций – в каком-то самолете с заложниками, в Моздоке, в Юго-Славии.

Сейчас в станице переименованной улице его именем, устанавливают мемориал. Валентина Ивановна хочет привезти на 40

С ПОЗЫВНЫМ «Черкес»

АНДРЕЙ ТУРКИН СПАС ДЕСЯТКИ ОСЕТИНСКИХ ДЕТЕЙ

кровиночку! Он у меня один!!!». У президента желваки по шее ходило, испарина на лбу, он бледный как смерть, но все равно подходит к каждой и только одно говорит: «Простите меня. Простите меня. Простите меня».

Хуже всех было смотреть на одну молоденькую девочку. Они только сыграли свадьбу с 23-летним парнем из «Альфы». Медовый месяц еще не закончился. Она так убивалась, что мужчины, спецназовцы, навзрыд плакали, держа ее за руки. А еще в зале был один пожилый седовласый военный. Он сказал короткую речь, но от нее у всех просто мороз по коже пробежал.

– У меня в Беслане погиб единственный сын. Но остались три внука. В них – вся моя жизнь. И я сделаю все, чтобы они стали военными, в память об отце. Назло тем, кто отнял его у нас!

На Ново-Архангельское кладбище отправилась огромная вереница машин и автобусов. Ее пропустила вся Москва, военные и милиция отдавали честь траурному кортежу.

Там, стоя у могилы, мама Андрея, Валентина Ивановна, не могла оторвать взгляда от лица сына. Он улыбался, немножко, краем губ. Она гладила родной лоб, щеки. И может, от тепла ее рук или от воздуха лица Андрея порозовело. Все за головы схватились:

– Сынок, ну открой глаза, открой, сыночек! Ты же мне улыбайся!

На кладбище было совсем не так, как на наших, орских. Идеальный порядок, квадраты могил, аллеи, плитка. И совсем непривычное здание – крематорий.

– Мы глаза-то не поднимали, плакали. А потом как-то на вымок из трубы посмотрели, но не его испугались. Там по всей стене, по всему периметру кладбища, абсолютно не прячась, засели снайперы. Как в кино – в масках, и на винтовках эти прицелы оце-

Сын все еще ждет отца из командировки

дней землю с могилы сына в Орск – чтоб родные могли поминать племянника и брата здесь, где похоронены его дедушка и бабушка.

У Андрея остались жена и сын. Наташа – на пятом месяце беременности. Мальчик ли, девочка – еще не знает.

– Мама, если вы меня не оставите, я сохраню ребенка, – сказала она Валентине Ивановне. Правда, про себя знала, что сохранит в любом случае. Но одной будет очень, очень трудно. Свекровь даже слушать не стала и угроба сына поклялась: «Наташа, я всегда буду с тобой, чтобы ни случилось! Вы у

меня теперь одни». Государство тоже обещает отдать дань погибшим. Выплатит их семьям по 120 окладов, выделить квартиру в столице, обеспечить детям героев поступление в любой вуз. Каждый из схоронивших мужей и сыновей, не задумываясь, отдал бы за своего родного и единственного не только эту посмертную дань, но и все, что имели. Лишь бы живой вернулся из Беслана, пусть даже раненый. Но им пришлось хоронить, так же как и Туркиным, и думать, как жить дальше. А маленький Владик, любимчик семьи, кудрявый, как херувим, на каждый звонок в дверь бежит открывать: «Папка из командировки плихал! Мама, папка велнулся!»

– Мог. Если бы не бросился на гранату, а упал рядом, Максимом поврежденный – осколочные раны рук и ног. Но тогда погибли бы мы и дети. Много детей, потому что боевик уже замаяхнулся бросить гранату прямо в них, сгрудившихся возле окна... Мы тело Андрея потом долго не могли забрать, вытаскивать из-под обстрела. А бой шел десять часов. По бойцу каждый час теряли...